

сюда согнали и везут, а в конце поездки — страшная смерть. Поэтому единственное, за что стоит бороться, — это за непрерывность, за максимальную длительность трансфера. Движение — жизнь, остановка — смерть. Беженцы едут и не доверяют друг другу, и подозревают неравенство — соседу, возможно, едетя чуть лучше, чем тебе, а следовательно, он ох...л.

Пермяки в автобусе и москвичи в метро мчат вечером с работы, они тру-

дились и устали, но пермяк придёт домой в семью или в пивную к друзьям и получит отдохновение, восстановится для продолжения труда. А москвич знает, что не восстановится, ему совершенно точно не хватит времени и энергии, которая рождается от любви — даже если он нажил себе любовь.

Москвич — тот, кому вечно не хватает, его жизнь — жизнь непрерывного дефицита, отложенное счастье, обещанный побег, лелеемый в меч-

тах покой, кредитная система всего: я сейчас мучительно расплачиваюсь за то, чем буду по-настоящему обладать потом.

Всем городам легче, чем Москве. Так было всегда, видимо, или так стало уже давно — но в последние месяцы разница точно усугубилась. Поэтому мне стыдно, что я разлюбила Москву именно сейчас, когда весь мир с ней особенно в раздоре, бросила её в беде, в дыму и в полной растерянности. ■

